

Закончив выговариваться, Грифон казалось, наконец, избавился от своего скверного настроения. Было ли это облегчением после признания, или раздражение на себя за то, что он позволил этому так очевидно проявиться, но в итоге он подавил своё жестокое намерение и ограничил себя стандартными провокациями. Мы оба искупались в Ионии и, ожидая пока Скифас найдёт нам корабль, расправили карту на песке и перешли к обсуждению предстоящей задачи.

— Бакхус прожил наполненную жизнь, если не сказать больше, — поражался я, прослеживая линии через золотые капли, которыми Сократ отметил места на карте. — Неважно, какой порядок мы выберем, одно лишь путешествие...

С тех пор как мой отец взял меня в легионы Гая, я провёл изрядную долю моей жизни на марше. Я видел обширные замороженные пустоши, продираясь через болота и строил мосты через моря, и даже пересёк Герцинский Лес, чёрный лес, что протянулся через целые нации — две, если быть точным. Культивация добавляла скорости к шагам человека, но даже так, кампании Гая занимали долгие месяцы походов, прежде чем кому-либо нужно было заботиться о каком-либо рода сражениях.

Я провёл мои основополагающие годы маршируя, но задача перед нами всё ещё была устрашающей. Карта, которую Сократ дал нам, покрывала обширную территорию. Регион, с которым я был наиболее знаком, колония, известная нам как Великая Греция, была лишь мелкой полоской на западном краю карты. Из всех Греческих поселений к западу от Ионического моря, Аликос, Алый Город, был единственным отмеченным, около него не было никаких золотых меток.

К востоку от Ионии, на центральной территории свободного Средиземноморья, было четыре золотых метки. Одна в Леванте, городе-государстве прямо через горный хребет к востоку от Олимпии. Ещё одна на самом южном берегу, в городе-государстве с меткой Крокос с более мелкой меткой под ним, которая зловеще гласила Культ Адской Ярости. Дальше на север, над Побережьем и его двумя противоборствующими культурами, город Палета был частично закрыт каплями золота. И, наконец, на западном побережье самого дальнего севера, приближаясь к обширным территориями Македонии, четвёртая метка золота сопровождалась словом Аорнум и ничем более.

— Для нас — это будет ещё длиннее, начиная из середины вот так, — сказал Грифон, валяясь в его любимой позе, положив щеку на ладонь. С его золотых волос всё ещё капала вода, пока они стекали по его спине без привычных волн. Он нахмурил брови, пока постукивал по метке. — Я более чем на половину склонен проигнорировать предложение доброго философа и начать с чего-то более разумного.

— И куда ты предлагаешь нам пойти? — криво спросил я. — Поспрашивать в округе: "где мы можем найти ингредиенты для божественного нектара?" Или может помолиться и надеяться, что мы узнаем их, когда увидим?

Он фыркнул, но мы оба знали, что это невозможно. Сократ дал нам только одну ясную цель для начала — золотую чашу, наполненную священным вином, из региона под пальцем Грифона.

Фракия, земля без определённых границ. Метка была к востоку от Македонии и недалеко от северного побережья Эгейского моря – это был наш первый пункт назначения и нам, очевидно, нужно было плыть до него, если мы не хотим потратить на это ближайшие пару лет.

— Если бы Овод просто дал нам весь список, мы могли бы собрать четыре из десяти прежде чем Фракия стала бы даже пятном на горизонте, — всё равно сокрушался Грифон, перемещая палец от Крокоса, в южной части земель и по их восточной стороне, к Леванте и затем на восток в Эгейское море, где была ещё одна метка, посередине кучки островов, затем он переместил палец на запад и север по берегу, проходя Палету, прежде чем, наконец, остановиться на Фракии на северной окраине Эгейского моря.

— Возможно, он ещё сам не знает, что нам нужно искать, — сказал я. Затем, исчерпав мою дневную долю дипломатических фраз, я добавил, — или, что более вероятно, он просто хочет держать нас занятыми.

— Беспольный старик, — пробормотал он. — Это путешествие и так достаточно долгое и без его добавок.

Это было правдой. Это было бы трудоёмкой задачей, даже если бы нам удалось убедить Элиссу, Кайно и Лефтериса присоединиться к нам. Здесь всё ещё оставалось четыре метки после этих шести. Следующая ближайшая была на самой восточной части земель свободного Средиземноморья, недалеко от побережья Эгейского моря – Нкри, Греческий город-государство и дом Культа Слепой Девы. После этого, остальные три были поистине далёкими.

— Это эти три, что волнуют меня. — Сказал я, указывая на каждую. Они были первым, что привлекло моё внимание, когда Сократ дал нам эту карту. Две, что были слишком близко к дому, и одна, что была так пугающе далеко.

К югу от Эгейского моря, за пределами Алебастровых островов, были две золотых метки, расположенных внизу карты. Одна была в Ливии. Другая в Египте, золотая капля поверх второго величайшего города мира – нет, он был вторым величайшим городом мира, до того как Рим был сожжён и засолен. Теперь он первый. Карта отмечала его просто как "Его Жемчужина". Очевидно, даже писать имя Александра было слишком рискованно для Греков.

Последняя из трёх, что волновали меня, десятая и последняя метка, была так далеко на востоке, что карта не могла её даже нормально разместить. Извилистая стрелка указывала вероятный путь, но место назначения оставалось не отмеченным. Само место было названо лишь одним словом.

Индия.

— О чём здесь волноваться? — лукаво спросил Грифон. — Это всего лишь короткая прогулка по любимому городу Завоевателя, а затем быстрый марш до края света.

Я указал моим пальцем на Ливию.

— Псы сначала отобрали у нас Африку, — тихо сказал я. Глаза Грифона обострились, теряя их юмор. — К тому моменту как мы поняли, что происходит, было уже слишком поздно. Мы уже решили сражаться с ними в Галлии. Неважно, сколько орлов мы отправили, ни один не вернулся. С тех пор прошло почти четыре года. Неизвестно какую часть континента они уже поглотили.

— Это так? — его тон был задумчивым. — Похоже, что мы будем потрошить твоих собак раньше, чем позже.

— Нет, — ответил я, хотя слова ощущались как пепел. Я медленно вздохнул, воздух был густым от соли Ионии. — Не сейчас. Не пока я не стану достаточно сильным, чтобы сбросить их всех в море.

— Посмотрим. — Грифон провёл невидимую линию своим пальцем к западу от жемчужного города Александра. — В любом случае, есть одно, что мы можем сказать наверняка. В не зависимости от того, как ужасны эти псы, это — самое дальнее, куда они могут пойти в Ливии. Ни один свободный город никогда не падал перед варварскими вторжениями — демоническими или любыми другими.

— Неправильно.

Он моргнул.

— Прошу прощения?

— Ты не прав, — сказал я, отбрасывая его палец и кладя мой собственный поверх жемчужного города в Египте. — Этот уже пал четыре года назад. Перед нами.

— Невозможно, — сразу же сказал он. Я уверенно встретил его взгляд. Через четыре секунды я увидел первую иску замешательства, которую быстро затушило презрение. — Теперь уже немного поздно для пропаганды, не так ли?

— Так ли, — согласился я. Презрение сменилось сомнением.

— Докажи, — бросил мне вызов Грифон.

И потому я потянулся к нему, одновременно погружаясь в горько-сладкое воспоминание —

Известняковые блоки возвышающегося маяка были скользкими от морского тумана, что ещё более усугублялось моими потными ладонями. Моё сердце бешено колотилось в груди, так громко, что я почти не мог слышать аплодисменты мужчин внизу. Я заставил себя продолжать подниматься. Я отказывался отступить.

Когда я, наконец, добрался до вершины, держась за плечо безликой статуи Отца, я взял из своих зубов Орлиное знамя и привязал его к вытянутой руке статуи.

Люди Гая радостно закричали, когда я откинулся и помахал им, Александрийский Маяк гордо держал флаг Республики перед всем миром.

— и продемонстрировал ему.

— Что? — выдохнул он, его глаза были расфокусированными, пока он проигрывал правду моего жизненного опыта в своей голове. — Что?

— Это была последняя кампания Гая, — объяснил я, сжимая мой кулак над картой и убирая его. — Последняя перед... перед. Я видел, как Египетский флот затонул в Ниле моими

собственными глазами, и я видел, как добродетельные звери под водой разорвали их короля кусок за куском. Жемчужный город принял Гая с распростёртыми руками, как и его новая королева.

Я с усилием подавил старое беспокойство, воспоминание о королеве Египта и её нечеловеческих глазах, о головном уборе, что вовсе не был головным убором, звериных ушах, торчащих из макушки как у животного. Я видел и более уродливые вещи до того дня и после, но память об этой первой встрече всегда вызывала во мне тревогу, почти всё в этом городе и его людях вызывало её.

— Это... погоди. — Грифон зарыл лицо в ладони, пока руки панкратиона массажировали его вески. — Это не имеет никакого смысла. Даже если твоим легионам каким-то образом удалось это сделать, там всё равно должны были быть подкрепления с севера. Амазонки, Алебастровые Острова, основная земля. Мы. Кто-нибудь.

— Призывники тоже этого не понимали, — признал я. — Мы преследовали внутреннего врага, последнего из противников Гая в Риме. То, что Египет предоставит Помпею убежище, было одним. То, что они решат сражаться с нами одни, когда мы пришли маршируя к их берегам, когда их Греческие союзники были лишь через море? Люди думали, что Гай искушает Судьбы.

Оглядываясь назад, возможно, именно это он и делал.

— Но Гай убедил их, в конце концов. Его рассуждения были простыми, но глубокими. — Я пожал плечами, когда Грифон раскрыл пальцы, чтобы недоверчиво посмотреть на меня. — Вы, Греки, так ненавидите Завоевателя, или наоборот, так напуганы его памятью, что отказываетесь даже писать его имя на своих картах столетиями после его ухода. Так почему любой из вас решит поднять палец, чтобы помочь городу, который он построил себе?

— Потому что он наш.

— Да неужели? Город в Египте, построенный Македонцем - что из этого звучит Греческим для тебя? — это был искренний вопрос тот, о котором я думал в течение месяцев после завоевания Гаем этих мест. До того момента, пока не пришли вести с запада и всё остальное перестало иметь значение.

— Это, — пришёл резкий ответ Грифона, приглушённым рукой на его лице. Розовый палец панкратиона тыкнул в карту, соскребая часть золотого маркера под "Его Жемчужиной" на папирусе и открывая слова под ним.

Культ Рассеянной Пены.

— Свободные города отбросили Завоевателя в самом начале его кампаний, — объяснил Грифон, поднимая розовый палец ко рту и соскабливая золото на язык. — Некоторые говорят, что он мог бы взять нас, если бы он действительно того хотел, но большинство этих людей - мерзкие Македонцы, и их слово стоит меньше слова Римлянина. Так или иначе, он покинул Греческие города ни с чем, несмотря на все свои усилия, и мы убедились, что он знает это.

— Это вполне естественно, что человек затаит обиду на подобную неудачу. Любой человек, не

говоря уже о Завоевателе. Мы отказали ему во вступлении в нашу культуру, забрали у голодающего Тирана его первую достойную пищу, и он презирает нас за это. Он никогда больше не вторгался в наши города, но он забрал всё, что окружает их. И не сразу, но неизбежно, он нашёл себе что-то невероятное.

— Великую тайну мира, — пробормотал я, расширив глаза.

— Ту, что мы просто не могли игнорировать, — согласился Грифон. — Он нашёл в землях плодородного Египта что-то, что не должно там находиться. Он нашёл что-то наше. И так, когда он отправил своих самодовольных послов, чтобы сообщить нам о своём открытии, у наших свободных городов не было выбора кроме как принять его любезное предложение — создание полноценного города за его счёт, чтобы разместить это глубокое природное явление, прежде чем отдать его Греческому населению, где оно и должно быть. Любому Греческому гражданину будут рады в его стенах, а его единственное требование было, разумеется, что они будут подчиняться Македонскому руководству, что построило его.

Их другим вариантом была война с человеком, который не так давно поставил их на край бездны, или добровольный отказ от ключа к их мистической вере. Вряд ли вообще был выбор, в конце концов.

— Мне кажется, ты только что ответил на свой вопрос, — размышлял я. — Город был вашим лишь технически. Будет ли Македонец на троне служить себе или другому варварскому покровителю, результат один и тот же. Зачем проливать кровь за это?

— Ну, не то чтобы это была какая-то великая жертва с нашей стороны, — сказал он, поднимая губы над зубами. — Это, в конце концов, всего лишь Рим.

В этот раз, я ударил его.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3907438>